

Вл. Рыбинский.

К вопросу об отношении Библии к Вавилону профессор Владимир Петрович Рыбинский

Раскопки храма Бэла в Ниппуре

Пресловутая брошюра Делича о Библии и Вавилоне, как-бы ни судили мы о её достоинстве, без сомнения, имела то важное значение, что возбудила живой интерес к затронутому в ней вопросу и послужила причиной появления обширной, поучительной литературы. Одной из наиболее интересных новинок в этой литературе является небольшая книга проф. Гильпрехта, под заглавием „Раскопки в храме Бэла в Ниппуре“. (H. V. Hilprecht. Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur. Leipzig. 1903). С содержанием этой книги мы и намерены познакомить читателей.

В названной книге мы имеем краткое сообщение о результатах раскопок, производимых в области древнего Ниппура (нынешнего Нуффара) американской ученой экспедицией, снаряженной Пенсильванским (в Филадельфии) университетом. Сообщение свое автор начинает передачей тех впечатлений, которые производит на зрителя и исследователя область древнего Вавилона. „Это, говорит он, поистине, страна гробов и молчания. Простертая рука Божия тяготеет над несчастною землею уже две тысячи лет. Слово Исаии – *как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился об землю, попиравший народы* (14, 12) – звучит, как погребальная песнь над рассыпавшимися стенами Вавилона, отдается насмешливым эхом пророческого проклятия от упавших башен и храмов Нуффара и Варки... Запустение и безграничное разрушение, характеризующее нынешнюю Вавилонию, таковы, что, хотя я в последние 14 лет многократно посещал эту страну, она все еще не перестает производить на меня потрясающее впечатление. От Акаркуфы на севере до Корны на юге, где соединяются обе реки, страна выглядит так, как будто бы здесь „Бог ниспроверг Содом и Гоморру“ (Ис. 13, 19; Иер. 50, 40). Бесчисленные большие и малые каналы, которые, подобно питательным жилам, прорезывали во всех направлениях богатую равнину и несли жизнь и плодородие во всякую деревню и на всякое поле, давно уже засыпаны мусором и землею. Не очищаемые усердными руками, не питаемые более Тигром и Евфратом, они мало-помалу совершенно были занесены песком.

Поистине, „засуха пришла на воды Вавилона, и они иссякли“ (Иер. 50, 38)... Сказочное плодородие Вавилонии, может быть, не исчезло совсем, но оно заснуло. Над ней исполнились слова: „тогда будет покоиться земля и удовлетворит себя за субботы свои“ (Лев. 26, 34). „Города её сделались пустыми, землю сухою, степью, где не живет ни один человек“ (Иер. 51, 43). Почва сожжена, покрыта обломками и селитрой и во многих местах занесена летучим песком на 3 – 4 фута... Как ни мрачен этот только что начертанный образ, он представляет одну и не самую поразительную сторону безутешного положения современной Вавилонии. „Как сделался Вавилон ужасом между народами! Устремилось на Вавилон море; он покрыт множеством волн его“ (Иер. 51, 41, 42)! Осенью и зимою Вавилония подобна песчаной пустыне, а весною и летом она становится в большей части неудобным для жительства болотом, настоящей пустыней воды или моря (Ис. 21, 1)... В период ежегодного наводнения повсюду в застаивающихся водах появляется роскошная растительность. Большие стаи птиц с блестящим оперением населяют болота. Черепахи и змеи путешествуют по проезжим дорогам, образуемым в лагунах древними каналами, и бесчисленные маленькие жабы гнездятся в тростнике, тихо шумящем от восточного ветра... Дикие звери, кабаны и волки, гиены и шакалы, дикие кошки и, становящиеся в последние годы все более редкими, львы населяют камыши или развалины. Здесь и там возвышается из ядовитых болот какой-нибудь более значительный кусок земли, огражденный земляною крепостью, низкий остров или уединенная груда развалин, как немой свидетель минувшего величия... Бродячие номады на севере и юге, тупые обитатели болот в центре являются теперь наследниками разрушенного царства Навухудоносора. Какой контраст между древней цивилизацией и теперешним вырождением! Некогда, насколько достигал глаз, роскошные пальмовые рощи, волнующиеся хлебные поля, цветущие города и дома, страна, которую мы так охотно называем колыбелью человечества, а теперь-открытая земля Нод (Быт. 4, 16), куда убегают дезертиры и преступники, страна запустения и невежества, эльдорадо для разбойников и убийц“ (S. 3–8).

Местом раскопок, ведущихся американской экспедицией с 1889 г., являются собственно развалины *Нуффар*, представляющие остатки древнего Ниппура (Халне в земле Сеннаарской), одного из четырех городов в царстве Нимврода. Эти развалины занимают пространство в 75 гектаров и состоят из группы значительных холмов, имеющих в разрезе 10 – 18 метров высоты, и в отдельных пунктах достигающих 25 – 30 м. над уровнем равнины. Большой, теперь высохший, канал, имевший некогда 6

м. глубины и 50 – 60 м. ширины, разделяет развалины на две равные половины. Канал этот-древний Ховар, берега которого были местом таинственного видения Иезекииля. Высочайший пункт развалин, холм, называемый арабами bint el'amir, представляет собою упоминаемую в клинообразных текстах башню древнего Ниппура Imcharsag, а малые холмы заключают остатки наружной стены города. Вблизи башни находятся развалины Экура, – древнего святилища Бэла, важнейшую часть которого составляла башня. Результаты, полученные от раскопов в указанных пунктах, оказались весьма богатыми. Кроме 23 тысяч плиток, найденных в храмовой библиотеке и школе, в западной части города собрано около 28 т. разных деловых документов из третьего, второго и первого тысячелетия (до Р. Хр.), а в нижних слоях развалин храма, отыскано до 2 т. исписанных клинописью плиток досаргоновской эпохи. Кроме того, раскопки доставили около 800 обломков ваз, которые оказываются особенно ценными источниками для реконструкции древней истории Вавилона, много пограничных камней, прекрасные печати Саргона I и Нарам-Сина, глиняные цилиндры Самсу-Илуна, Саргона II и Ассурбанипала, акт о постройках царей из Ура, до 400 печатей из разных Ниппурских промышленных учреждений, различные, найденные в гробах, украшения и предметы, множество серебряных монет разных эпох и проч.

Наибольшее внимание экспедиций, при этом, привлекало самое здание храма Бэла, имевшее двухтысячелетнюю историю еще ко времени возвышения Вавилона на степень столицы царства. Экспедиция заботилась о том, чтобы выделить башню из массы прилегающих к ней построек и отсюда уже определить состав и характер всего храмового здания. По словам Гильпрехта, экспедиции пришлось преодолевать чрезвычайные трудности и вследствие нездоровых климатических условий, и по причине враждебного настроения туземцев, и, в особенности, вследствие неумения арабов работать.

В развалинах Ниппура Гильпрехт различает 21 слой, хотя и не в каждом пункте. В некоторых местах остатки 2-го тысячелетия лежат прямо на остатках досаргоновского периода, в других они отделены друг от друга слоем мусора в 10 – 15 ф. толщины, в некоторых же пунктах остатки древней цивилизации валяются почти на поверхности. Отсюда следует, что некоторые кварталы Ниппура целые столетия оставались незаселенными, тогда как другие почти непрерывно были заняты.

Указанные слои принадлежат, по мнению Гильпрехта, трем периодам. Верхние 6 слоев толщиной в 6 – 24 м., принадлежат послевавилонскому периоду от 300 до Р. Хр. по 1000 по Р. Хр. Следующие 9

рядов в 4½ – 6 м. толщины представляют семитско-вавилонский период и относятся ко времени от 4000 до 300 г. до Р. Хр. Самые же нижние 6 слоев в 6 – 9 м. толщины включают остатки доисторического и суммерийского периода и принадлежат пятому тысячелетию.

Исследование верхних слоев показало, что после возвращения Александра Великого из Индии и его преждевременной смерти во дворце Навухудносора на Евфрате, т. е. около 300 г. до Р. Хр. храм Бэла перестал существовать, как святилище. Ниппур стал городом эллинистической культуры, которую можно проследить по изображениям на фризах, по головам медуз, по вазам, чашам и пр. Новые боги с их чужеземными культами, очевидно, вытеснили старые обычаи и нравы, и на развалинах древнего храма поднялись грозные укрепления и дворцы. После прекращения династии Селевкидов, равнину Суммера и Аккада наводняют парфянские наездники и подчиняют страну своему господству. Эпоха парфянская, с её смешанной культурой, состоявшей из элементов греко-римского и восточного, также, как показывают раскопки, отразилась на судьбах древнего святилища. Башня Бэла была теперь расширена четырьмя обширными боковыми флигелями и превращена почти в неприступную крепость. Колодезь глубиной в 21 м. стал обезопасивать снабжение водою. Над древним входом в храм была воздвигнута массивная башня, для защиты обитателей, а вокруг крепости были расположены дворцы, наружные стены которых, в 18 м. высоты и 9 – 12 м. толщины, находятся в хорошем состоянии еще и в настоящее время.

Кроме дворцов, остатками парфянского периода являются еще кладбища. Они встречаются или под домами, или рядом с ними. Это сводчатые каменные постройки, в которых помещалось обыкновенно по несколько гробов. Большинство этих гробов, имеющих оригинальную форму низкого башмака, а иногда двух ваз, обращенных друг к другу внутренней стороною, найдены разбитыми и разграбленными. Но один из гробов сохранился в целости: в нем оказалось много золотых украшений.

С восшествием династии Сассанидов (226–643), как обнаружили раскопки, значение Ниппура окончательно упало. Парфянские дворцы обратились в развалины, а новых зданий уже не воздвигали.

Остатки второго периода, семитическо-вавилонского, занимают слой толщиной в 4½-6 м. Для эпохи в три с половиной тысячелетия этот слой представляется ничтожным; но это, по мнению Гильпрехта, объясняется тем обстоятельством, что при постройке новых зданий мусор, образовавшийся от старых построек, обыкновенно удалялся и почва выравнивалась. В указанном слое земли обнаружены остатки самого храма

Бэла. Хотя храм этот существовал несколько тысячелетий и пережил несколько реставраций, однако размеры его оставались всегда неизменными. По вавилонскому воззрению, реставрированное святилище только в том случае сохраняло свое значение, если новые стены точно соответствовали окружности прежних.

Храм Бэла или, как называют его клинообразные тексты, „Экур“, т. е. „дом горы“, состоял из двух дворов, которые не вполне пока откопаны. Оба двора были окружены массивными стенами и соединялись друг с другом монументальными воротами. Во внутреннем дворе раскопки обнаружили два главных здания, – влево башню, на вершине которой было первоначально капище Бэла, и вправо – „дом Бэла“, место пребывания отца богов и его супруги, а также склад священных даров и место принесения главных жертв. Небольшая дверь позади башни ведет к прилегающему открытому месту. Вправо от названных выше главных ворот находился дом сокровищ и храмовой архив, разграбленный эламитянами. Между главным храмом Бэла и зданием архива было много водоемов и долоритовых ваз, служивших, вероятно, целям культа. На другом, южном дворе, находились, по мнению Гильпрехта, капеллы тех божеств, которые почитались на ряду с Бэлом и Бэлти. Из одной дощечки, найденной в храмовом архиве, видно, что в Ниппурском святилище были капеллы 24 божеств. Число их, впрочем, в разные времена было неодинаково. Южный двор служил местом молитвы для паломников, которые не допускались во двор внутренний.

Сколько этажей имела первоначально башня Бэла, нельзя сказать с уверенностью, так как в период парфянский в ней были произведены значительные измерения. Видно только, что первый этаж, реставрированный в последний раз при Ассурбанипале, имел высоту более 6 м.

В обоих храмовых дворах при раскопках найдено много разных приношений; но, к сожалению, это только жалкие остатки того, что некогда было. Вторгшиеся в Вавилон около середины 3-го тысячелетия эламитяне, как известно, опустошили все святилища Суммера и Аккада. Золото, серебро и особенно произведения искусства были унесены в Сузы, где многие из них и найдены французской экспедицией Моргана и Шейля; вазы же и разные неценные дары, носившие имена вавилонских богов, были разломаны. Гораздо лучше сохранились многочисленные обетные камни, счетные листы и письма из времен царей касситской династии (2 тысячелетия). Некоторые из найденных на приношениях надписей очень характерны. Такова, напр., надпись на одном топоре из окрашенного

стекла: „Нази-Марутташ, сын Куриганцу, – богу, чтобы он услышал его молитву, внял его молению, принял его прошение о милости, оградил его жизнь и долгими сделал его дни“; или другая, имеющаяся на кружке из ляпис лазури: „богу Нинибу, своему господину, Кадашман Тургу, сын Нази-Марутташа, повелел приготовить кружок из ляпис лазури и принес в дар за сохранение его жизни“.

Из счетных листов обращает на себя внимание большая доска с обозначением доходов храма, запись которых велась, как видно, с большою аккуратностью. Из памятников искусства, Найденных на месте дворов храма, замечательно туловище долеритовой статуи священника, относящейся к периоду около 2700 до Р. Хр. В исполнении статуи бросается в глаза искусство в передаче складок одежды, напряжения мускулов, ногтей на согнутых пальцах.

Раскопки обнаружили, что цветущим периодом вавилонской культуры был древнейший – на рубеже пятого и четвертого тысячелетия. Наибольший интерес в древнейших слоях развалин представляют остатки библиотеки с священнической школой при ней. Библиотека разделена была на два отдела: вблизи канала помещался отдел разного рода деловых документов, а близ входа в храм находился отдел религиозно-научный. Деловые документы, найденные в библиотеке, касаются, главным образом, разных сторон широко разветвлявшейся администрации храма, – десятин и жертвенных даров, строения и ремонта зданий, орошения и засадки площади дворов, покупки и продажи животных и рабов, приготовления полотен, украшений для статуй богов и пр. Из этих документов получается впечатление, что храм Бэла в некоторых отношениях не отличался существенно от известных вавилонских больших фирм и торговых домов, в роде „дома Егиби и сыновей“ из времен Навухудносоры, или Ниппурской фирмы „Мурашу сыновей“ из V-го столетия.

Более важен отдел религиозно-научный. Глиняные плитки лежат здесь в беспорядке, разбросаны по всем коридорам, при чем многие из них сильно пострадали от сырости. Среди комнат, принадлежащих к этому отделению библиотеки, особенно интересны классные комнаты, в которых обучались разным наукам и искусству писать на глиняных дощечках. Пред нами развертывается здесь картина начального обучения в Ниппурской храмовой школе. Как видно, ученики прежде всего получали наставления относительно приготовления дощечек: множество неискусно сделанных и не исписанных дощечек свидетельствует об этом. Затем, как видно, приступали к изучению простейших элементов, из которых состоит клинообразное письмо: сначала писали каждый элемент отдельно, а потом

все три рядом. После преодоления первых трудностей переходили к слогам, начиная с простейших. Сохранились образцы ученических упражнений, причем на одной дощечке, писанной начинающим, мы имеем и указание на успехи учеников: в пяти строках сделано четыре ошибки.

Обучали в Ниппурской школе и рисованию. Сохранился ряд дощечек, на которых начерчены прямые и кривые линии, круги и разного рода фигуры, – очевидно, первые опыты рисования. Далее приступали к рисованию с натуры, к рельефным изображениям, гравированию и вырезыванию печатей.

Из других указаний видно, что в школе обращалось внимание на разные математические и астрономические вычисления, на умение измерять поверхность полей, садов и каналов.

Найдено также в библиотеке много писем, – в том числе одно, заделанное в особый конверт, запечатанное печатью и адресованное некоему Луштамару, но не отправленное по каким-то обстоятельствам.

Что касается множества религиозных, мифологических и астрологических текстов, то этот материал еще не раскопан и не достаточно обследован.

Нижние слои развалин принадлежат доисторическому или шумерийскому периоду. Отличительной чертой постройки этого периода является употребление прямоугольных кирпичей с плоской нижней поверхностью и с выделанной сводом верхней. Связующим материалом, согласно с библейскими указаниями, является земляная смола (Быт. I), К числу достопримечательностей древнейшего периода истории Ниппура принадлежит, прежде всего, обнаруженная раскопками искусная и необыкновенно прочная система дренажа, которой пользовались в храме. Затем в раскопках найдены замечательные по изяществу исполнения голова козла с завитыми рогами и мраморная голова шумерийца. В последней обращает на себя внимание искусство, с которым сделаны глаза: белая часть яблока выделана из раковины, зрачок из темного камня, веки и брови обозначены серебром. Остатки подобных же изящных произведений шумерийской эпохи обнаружены и за пределами храмовой стены.

Определяя, на основании собранных археологических данных, значение Ниппурской башни, Гильпрехт говорит следующее: „Первое из её четырех названий *Имхарсаг*, гора ветра, обозначает ее, как место, на котором восседает бог (en) ветра (lil), бури и молнии, т. е. *Энлил*, позднее отождествленный с семитическим Бэлом, откуда он посылает на землю свои громовые стрелы, с которыми он часто изображается. Как оракул для

людей, башня называется *Эсагаш*, дом решения. Как спускающаяся глубоко в подземную область, где, по суммерийскому воззрению, живут в аде души умерших, и вблизи которой, поэтому, погребали умерших, башня в одной надписи называется *Эгигуни*, дом гроба. Четвертое имя называет ее *Дуранки*, связь неба и земли. Таким образом, многоэтажная башня есть не что иное, как выражение космическо-религиозной идеи, как представление мифологической горы богов, которая, по мнению вавилонян, находится на далеком севере и поднимается из преисподней до самого неба, – род Олимпа, на котором родились боги, как дети Бэла“.

Окидывая, далее, взором судьбу Ниппурского храма и отражающийся в ней ход всей вавилонской истории, Гильпрехт утверждает, что это есть история постепенного вырождения во всех областях жизни. В течение ряда веков выродилось древне-суммерийское искусство и наука. Хотя для Вавилона и наступали эпохи ренессанса, напр., при Хаммураби, Ассурбанипале и Навухудоносоре, но в сравнении с высокоразвитой культурой на рубеже 5 и 4 тысячелетия, это была только „поросль давно минувших времен самостоятельного творчества“.

Подобный же процесс вырождения усматривает Гильпрехт и в истории вавилонской религии. Суммерийский пантеон, – из которого заметно выступает троица богов Ану, Энлила и Энки, и особенно Ниппурский Энлил, „отец“ и „царь“ богов, – при семитических завоевателях Вавилонии был значительно расширен. Цари, как Саргон, Нарам-Син, Гудеа, Дунги и многие другие, стали провозглашать себя богами, строить в честь себя храмы и основывать культы. Пирамиды Ниппура, Ларсы, Сиппара, Вавилона и других городов, имевших когда то значение „союза неба и земли“ (Дуранки), „основания неба и земли“ (Теменанки), стали гробницами Бэла, Шамаша, Мардука. Вся великая нация с её блестящим наследством от первоначальной цивилизации, с её удивительными дарами, с её духовной зрелостью – погибла, таким образом, с исповедью на устах: *наши боги мертвы*. Хотя эти боги возвращаются на землю с наступлением весны, но плач о ежегодной смерти их составляет важную часть их культа, и могучие башни, называемые гробами богов, придают вавилонским храмам характерные черты усыпальниц.

На последних страницах своей книги Гильпрехт останавливается на вопросе об отношении Библии к Вавилону и высказывает несколько мыслей, навеянных на него видом развалин Ниппура. „Можем ли мы“, спрашивает Гильпрехт, „пред лицом таких фактов и беспристрастных находок, ожидать из Вавилона *нового неба*, вспомогательного средства для

устранения *откровенного характера* ветхозаветной религии и исключительности представления Израиля о Боге. Исаия пророчествовал (21, 9): „пал, пал Вавилон, и все идолы богов его лежат на земле разбитые“, что значит, в переводе на язык клинообразных свидетельств Вавилонян: боги умерли и погребены. Таким образом, Вавилон и Библия удивительно соглашаются в этом существенном пункте. Как, напротив, гласит собственное исповедание веры Израиля: „не дремлет и не спит хранящий Израиля“ (пс. 120, 4); „слушай, Израиль, Господь Бог твой есть Бог един“ (Втор. 6, 4); „так говорит Господь, Царь Израиля и Искупитель его, Господь Саваоф: Я первый и Я последний; и кроме Меня нет Бога“ (Ис. 44, 6)! Вавилонские боги, как и другие существа и предметы, возникли в мировом процессе... Поэтому совершенно последовательно поступили вавилоняне, заставив их в конце концов опять умереть. А по библейскому воззрению, Бог создал в начале небо и землю, и Дух Божий, как вечно существовавший, а потому и вечно сущий, носился над водами... Пусть в своих внешних проявлениях ветхозаветный народ имеет все признаки известной расы и времени, пусть он носит глубокие следы чуждых влияний из Вавилонии, Ассирии, Аравии, Египта и других стран: все-таки чистый монотеизм и совершенно оригинальное пророчество, – этот голос никогда не засыпавшей всецело народной совести, – составляют обширную пропасть, зияющую между Израилем и народами древнего языческого мира. Мы по праву стремимся всеми, имеющимися в нашем распоряжении, средствами строгой науки раскрыть тайну, которая отрешает ветхозаветный народ от исторической связи и делает его чудом среди народов. Но я верю, что путь к познанию её и к истине *„ведет не чрез Вавилон“*.

Краткое сообщение Гильпрехта о Ниппурских раскопках дает основание в недалеком будущем, когда результаты раскопок приведены будут в полную известность, ожидать многих новых фактов из истории Вавилона, а следовательно, и новых выводов касательно отношения Вавилона к Библии. Будем ждать и надеяться.

Содержание

Вл. Рыбинский. К вопросу об отношении Библии к Вавилону профессор Владимир Петрович Рыбинский	1
---	---